

Смена

101
1

№ 14

ВЫПУСК № 14 - МАРТ - АПРЕЛЬ - МАЙ 1930 ГОДА

Навстречу воде и солнцу.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

Библиотека
Москвы
1930

10
КОП.

Сцены из пьесы «Бунт в воспитательном доме».

НЕМЕЦКИЙ МОЛОДОЙ ТЕАТР В МОСКВЕ

Подлинный боевой авангард proletарского театра германского искусства сумел выдержать напор буржуазных сил искусства, дать им бой, больше того—победить их. Вот причина поразительной жизненности и силы этого театра. Но есть и другая причина: она не поддается ни денежной помощи буржуазных театральных деятелей, она не захотела начать свою выступления в большом роскошном театре в центре Берлина, она отказалась от услуг знаменитых актеров.

Выживший лозунг—«Театр на службе рабочему классу», признан для себя единственно приемлемым принципом реалистического молодого актера сумела найти неподвластное даже автору—Г. Ламмеля, постановщикам боевой и агитационной пьесы которого и начал свое существование.

Содержание «Бунта в воспитательном доме» заключается в следующем.

В воспитательный дом Бранденбургской области попадает новый «правонарушитель» Фриц. В прошлом участник революционного движения, он заслужил влияние и авторитет у других, добившись, в частности, того, как избывает сильных и «жестоких» Курта, насилиника и провокатора. Одновременно среди преподавателей идет гущая расправа. С одной стороны—практиканты с гуманистическими педагогическими взглядами, с другой— все остальные. Воспитатели—оставшиеся фельдфебели, реакционеры и шкунники.

Приезд посетителя из Берлина разрывается между тем, что Фрица хотят изолировать, чтобы в доме все благополучно, с целью выхлопотать себе приблизку жалованья. Однако минимум благополучие разбивается вдребезги «не совсем подобающим» поведением

воспитанников. Директор в наказание отменяет вечерний киносеанс. Этого достаточно, чтобы вскрыться открытый бунт под предводительством Фрица; бунтовщики разбивают кладовую с продовольствием, а вызванные полицейские принуждены отступить.

Директор, выигравшая время, необходимое для усиления отряда полиции, предает Курту пропагандировать и довести дело до открытого мятежа, обещая за это досрочное освобождение. И действительно, воспитанники ломают двери и подожгли бы дом, если бы ворота подожгли полиция и арестовала начальников.

Успех спектакля в Германии был оглушающим. И не зря: рабочий-братьев увидел зрелище, которое на частном примере показа жуткой картины, насилия в воспитательных домах разоблачало политику буржуазии, утверждавшей такое же беспартийное во всем социальном строе Германии. Другой спектакль «Цинканы» затрагивает вопрос абортов в Германии.

Дочь многодетной здадом рабочего фермера Готе забеременела от рабочего металлистка Пауля. Два месяца у нее длится лож势, лишился Пауля, а также и семью Френта, которую он поддерживает, куска хлеба.

Лицем к лицу—ложная обузда. Мать, узнав о «грехе» Готе, оксюклияет dochь так, как это было в ее доме. Доктор же, следя к которому Готе обращается с просьбой сделать аборт, отказывает ей, указавши ей на § 218 Германского уголовного кодекса, карающего умерщвление плода пятью годами тюрьмы. По просбе Готе, сам Пауль пытается ей сделать аборт, но неудачно.

Наконец Готе обращается к акушерке. Осмотрев пациентку, дает ей цинизантый калий, пить каплю которого достаточно, чтобы прервать беременность. Еле живущая сквозу все количество отпущеного лекарства, Капли помогли, плод удален, но Готе захватали. По доносу управляющего домом полиция арестовывает Пауля и матерь. Готе умирает одинокой со словами: «10 тысяч женщин должны умереть... Неужели никто не поможет?»

Спектакль «Цинканы» сродни книге Ремарка «Насилие в фабрике» без перевода на немецкий язык, сюжетование грубого натурализма и целомудренной простоты, отсутствие «сознительности» при глубоком внутреннем драматизме. Но пьеса и спектакль «Цинканы» имеют еще одно, собственно, самое главное достоинство, необходимое подлинному proletарскому искусству: четкую классовую установку. «Цинканы» предъявляет дилемму буржуазии: здадом рабочего-братья, на десеты тысяч женских жизней, на сотни тысяч искалеченных женских организмов, прибегающих к «искусственной помощи» нелегальным абортникам. Число таких абортов, по не полным данным полиции, достигает ежегодно жуткой цифры—80 тыс. Наконец само действие разворачивается на фоне локата и рожденной им ищущей рабочей семьи, вынужденной залогом отструю неизвестность к будущему сырою.

Приезд группы молодых актеров—радостное событие театральной и общественной жизни Москвы. Мы как бы присутствуем при зарождении proletарского театра в Германии.

Р. Бурман

Сцена из пьесы «Цинканы».

Члены и экипаж театра.

ИНДИЯ—“СТРАНА ЧУДЕС”...

Семен Кирсанов

Индийская полиция разрушает баррикады, вооруженные бастующими бомбейскими рабочими.

О, Индия!
Ливнлив, далекий сад!
Нет стороны
удивительней.
Я взял карандаш
и начал писать
стихи:

«ВОЛШЕБНАЯ ИНДИЯ»

«Я на карте моей, ослепительно пестрой,
разбросанной напутанным лесом,
необычно жемчужный нашел полуостров,
полуостров-жемчужину, чудо чудес.

В ожерелье точенных из мрамора пагод,
где стоит в окружении гранитный мустам,
я припомнил фрегаты из порта Сант-Яго
и пиратов, плывущих в сапфировый Ганг.

И пройдя задремавшие пальмы-дороги,
я увидел туманные грезы мои,
там качались фанари, браманы и йоги,
малахитовый облик очковой змеи.

У подножия храма они отдыхали.

Стыло Индии небо—огромный топаз.
Сверху Будда и Вишну, и Брама, и Кали
на индуистских мерцалах алазаны глаз.

И мерцала Калькутта—далекая тайна..
Перед мудростью тупы замы и дрохи!
Как бы будничен английский шлем капи-

тана

перед царственной роскошью магараджи!

«Извиняя богов удивлены застыли,
лиць священный лингам поднялся у

крыльца»...

Остановимся.

Хватит!

В этаком стиле —
я, по правде, могу продолжать
без конца!

Хватит лживой экзотикой
дист размалевывать!
Ею пичкали вдоволь
поэты-плуты!
Это значит —
учеба у Гумилева,
полюбуйтесь покалуиста
на плоды!

Я знаю другую
чудесную Индию,
Она — не цветной
гумилевский навар,
тад Индия —
красной

подорнута нитью,
вничтовочным треском
гримит Пешавар.

Та Индия
приступом
мчнится на пристань,
где английские крейсеров
стынут борта,
ту Индия давит
рука лейбористов,
и рвется к восстанию
Индия та!

С костей облазят
от голода кожа,
подачки заводчиков
ниже нуля!
Индус — человек,
как британец
такой же,

Смена

№ 14 МАЙ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ—изд. «Молодая Гвардия»

Ответственный редактор С. Камарад
Заведующий редакцией Я. Юдинский

довольно сгибаться
под пластью
скуля!

Уже до Бомбея
доносится:
— Встаньте!

До Ганга
вспышки возмущения
дышатся,

«Долой
непротивленчество
Ганди?
Да здравствуем
индийская
революция!»

Министр-лейборист
посыпает отряд,
Он шлет
самолетов рой.
Солдат, не стреляй!
Повстанец — твой брат.
Стреляй
в офицеров открыто!

Иди, осмуглевших
в нужде миллион!
Бомбей, Бихар
и Орисс.
Кинн, королевский
доминион!
За щиты и винтовку
берись!

От голода лица жен,
как воск!
Ввалились детей глаза,
но в систе пуль
королевских войск —
повстанцы!
ни шагу назад!

Из хижин нищих
выпада,
скорей разогнись
и встань,
встань,
молодая Индия
рабочих
и крестьян!

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6. Издательство «Молодая Гвардия».

Телефон 2-35-26.

ЖИЗНЬ ПРОЛЕТАРИЯ

Рис. М. Когута

Людвиг Турек

Перевод Р. Ланды

Продолжение. Начало см. в № 13

Дело в том, что один приятель привез мне из города фейерверк: за четверть часа до катастрофы я выпустил три ракеты посреди деревенской улицы. И вот от искры загорелся амбар.

Я стоял в сторонке и любовался взрывом. Страхя как не бывало. Хорошо, запасшийся амбар был застрахован, и я зинуть не успел не беспокоиться.

Я вышел в посторон от своего поступка.

Толпы народа все прибывали и прибывали на пожар. Те, которые только что дразнили как смертельные враги, вместе таскали мебель по улице. Пары азогорки расселялись. Зрелище длилось нескользко часов. Наконец, рухнула крыша амбара.

Наступила ночь. Все мало-по-малу успокочились. Я тихонько побежал домой и вскоре заснул сном праведника, как вдруг жесткая рука грубо встремилась меня. Сквозь сон я увидел шлем полицейского, услышал скрипучий, резкий голос, но ничего не могло меня заставить рассказать происшествие с ракетами.

— Убить его надо, мерзавца! — слышались голоса. — Кости ему переломать! Повесить!

Штаб главнокомандующего никак не мог решить, какую казнь выбрать для меня.

Затем все ударились, оставил меня под надзором моего бывшего товарища по работе Отто.

Вранье решили взять меня измором, но не достигли цели. Они забыли, что я мог пытаться осыпом для лошадей и фруктами с деревень.

Позлазуешь тем, что у моего товарища крепкий сон, я раздышала себе пропитание. Так прошло три дня. Я не провозил никаких признаков капитуляции и от безделья и распилющкой пищи даже поправился. Старик с сыном пришли меня изнастить. Они почкали головой и склонили:

— Чорт возьми, мальчишка, даже потолстел.

После обеда явилась старуха, долго гремела ведрами, опрокинула стул. Я крепко спал. Тогда она швырнула мне платье и сапоги и ушла.

Результатом этой истории был штраф в размере трех марок за нарушение общественного спокойствия.

Бесконечно медленно текло время до 11 ноября, дня съ Мартина. Марта истекал срок моей сельскохозяйственной деятельности.

С какой-то усталостью уехал я оттуда с 60 марками и 10 центами картофеля. Мне казалось, что я переселюсь в другой мир. Но лучше ли мне там будет? Вот вопрос!

После первых отрывочных дней в родительском доме я стал терять мысль:

«Что теперь делать? Как зарабатывать деньги?»

Лишний рот в скучном хозяйстве моих родителей был очень ощущителен.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

Пролетарский писатель Германни Людвиг Турек рассказывает о своей жизни. Гжелля, полная лиший, она протекала в многочленной семье, в которой отца отчима автора. В 1914 году Людвиг с семьей был вынужден бежать из одного города в другой. Семья голода, и маленький Людвиг выходит на улицу, чтобы добывать пропитание себе и накормить мать и младших братьев и сестер. Он работает мусорщиком, таскает с остальными ребятами груды по складам.

Чтобы подрасти, он попадает батраком в деревню, где приходится жить впроголодь, работать от заря до зари. Озлобленный на весь мир, Людвиг поджигает во время праздника пожарного общества сарай своего хуянина.

Я СЛУЖУ В КАФЕ

Кафе «Альберт Штернбергер», куда я поступила на службу, считалась лучшей кондитерской во всем Стенделе.

Чтобы обжорка могла обожраться, без устали работали два подмастерья, ученик, кухарка и две судомойки. К услугам всех— от хозяина и его семьи, вилоту до судомойки включительно— был я, Фридрих, мальчик на побегушках, весёлый козел отпущения. Мой рабочий день начинался с 7½ утра и редко заканчивался раньше 11 вечера.

Жалованья полагалось только 12 марок в месяц. Отдыхала разрешалось по воскресеньям с 6 вечера. С 1 декабря по 31 марта я не имел ни одного свободного дня, работал и в воскресенье и в будни, а в разгар сезона, в рождество и Новый год, — всю ночь до самого утра.

Старший подмастерья был горбун. Он страшно злился, если не мог достичь успеха в мастерстве, и это становилось причиной недовольства.

Нередко из 15 юнгинготов мне давалось следующее поручение: сунуть одну из судомойки пашку со ёжинами сливками за пазуху и спиртать мыло в кухонном горшке. Когда кто-нибудь брал в руки горшок, мыло высказывалась, а кнутом смешалась и кричала.

Общение подмастерьев и семнадцатилетнего ученика с судомойками состояло исключительно из таких заныраний и постоянных намеков. Упоминались ли бутылка, носовой платок или что-нибудь другое, всегда подбиралась двусмысленная шутка, неприличный стишок.

Несчастное ложеизвестство того, до какого отчаяния могут дойти люди, не имеющие никаких интересов в жизни и проводящие 17 часов из 24 в полуутомленном погребе и 7 — в чердаке помещении. У девушки было одно стремление— плясать. Не успев какой-нибудь выхоленный посетитель кафе сесть за рояль, как судомойки затанцевали вину дикую пляску.

У меня было много поручений, и я редко торчал в этом душном помещении. Каждое утро я должен был доставлять на вокзал двести почников; для этого мне давалась ручная тележка. Я садился в нее и ехал как можно быстрее, чем трамвай. Я всегда брал с собой лишних побывальщиков, почников и обменявил их в буфете на сокиски, соленые огурцы, пирожные.

Нечем было погреться, и я редко торчал в этом душном помещении. Каждое утро я должен был доставлять на вокзал двести почников; для этого мне давалась ручная тележка. Я садился в нее и ехал как можно быстрее, чем трамвай. Я всегда брал с собой лишних побывальщиков, почников и обменявил их в буфете на сокиски, соленые огурцы, пирожные.

Нечем было погреться, и я редко торчал в этом душном помещении. Каждое утро я должен был доставлять на вокзал двести почников; для этого мне давалась ручная тележка. Я садился в нее и ехал как можно быстрее, чем трамвай. Я всегда брал с собой лишних побывальщиков, почников и обменявил их в буфете на сокиски, соленые огурцы, пирожные.

Я весь дрожал, когда мне приходилось в 11 часов, а иногда и после полуночи идти в погреб. Красе было видимо-невидимо. Они

обжарились кремами, маринадами и тому подобными вкусными вещами. Особенно охотно обжаривались они в мешок с сахарным песком.

Во время моей службы в кафе «Штернберг», я имел и другие переживания. Однажды подали вечером, когда я еще возился в кухне, ко мне подошла младшая судомойка Фрида и попросила зайти в ее комнату, чтобы переставить комод. Фрида была хорошенькая семнадцатилетняя девушка; Мне же шел только четырнадцатый год.

Фрида сказала, пригласите на минутку кого-нибудь из друзей, чтобы посмотреть мой альбом? Вот это—моя бывшая подруга, ей всего двадцать лет, и у нее уже двое детей.

Фрида сидела возле меня на кровати. Когда ее рука легла на мое плечо, я нетерпеливо спросил, куда надо переставить комод. Она ничего не ответила.

— А вот здесь я костюм турчанки, это было в прошлом году на маскараде будем. Нравится?

— Да, нравится.

— А скажите, заметно, что я была пьяна?

Фрида смотрела меня и так низко наклонилась над альбомом, что ее волосы касались моей щеки. Первый раз в жизни я испытывал нечто подобное. Мне кажется, если бы сейчас к моему лицу приспустила львиная грива, я бы испугалась не больше, чем тогда.

— А это Герман. Какой бледный, правда? Как смерть! Я его терпеть не могу. Послушайте, Фрида, он меня раз поцеловал, но знаете, лучше бы вы меня десять раз поцеловали, чем он один раз.

Я заснул и не в силах был проговорить ни слова.

Фрида дружески приподняла головой к моему плечу. Хорошо, что она не видела моего лица.

Герман уже семнадцать лет, но вы гораздо сильнее его. Мы ужасно скучаем, когда вы его вчера толкнули под лестницу. Ну и злился же он!

Да, ему не сладилось, я его так вздул!

— Фрида, у вас удивительно здоровый вид. Вы не курите?

Почему у вас сейчас так горят щеки, Фрида?

Я вскочил на ноги и бешено двинул комод на середину комнаты.

— Ну вот, спасибо, Фрида, так гораздо лучше. Я вымылся с вами на свежий воздух. Подождите минутку! Я только переоденусь.

Я тащил на погреба топливо.

Ждать пришлось долго. Я успел пересчитать цветы на обоих, đểсять на перелистать альбом и перечитать старую газету.

На следующий день мы поругались с Фридой, и я трясу ее меткой по спине. В следующие дни она была чрезвычайно привлекательна. Однажды я даже забыл: из-за трехчасового сна не стояло тащиться в каморку под крышей. Неудивительно, что он старался развлечься с судомойками.

У Фриды тоже совершенно не было никаких интересов. Тихими, как она, были все девушки, работавшие здесь, с той разницей, что у одной были большие глаза, у другой маленькие, у третьей плавные линии, у четвертой рыхлые волосы. По существу, создавалась особый тип лица, на котором отражалась неутомимая работа и более или менее интенсивная половина жизни.

Старший судомойщик считал себя мастером. С подчиненными он был высокомерен, учил их всему, что знал, в разговоре с хозяином чрезвычайно велива, даже подсобных рабочих.

Хозяин и его семья смотрели на меня сверху вниз. Их общение со мной ограничивалось повседневно бронзовыми приветствиями.

Таким образом, я был окружжен со всех сторон «авторитетными» людьми, которых волей-неволей должен был подчиняться.

СОЮЗ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ. ВОЛНУ!

В апреле 1914 г. я поступил в типографию. В то время ученикам платили в первый год учения три марки в неделю, во второй год—четыре марки, в третий—пять, в четвертый—шесть.

За работу я вязался с громадным рвением. Часы отдыха мне казались совершенно ненужными. Правда, такое усердие продолжалось лишь до тех пор, пока мне не была дана определенная работа. Впоследствии я уже не жалел о существовании праздников: набор, ждал их с нетерпением. Объяснялось это тем, что я вступила в ряды рабочей молодежи, а не в ряды молодежи Германии. Себя очень мало занимавшего в этом по сравнению с другими молодежью пролетариев юношеским движением, но тогда меня неудержимо влекло в круг десятка товарищей. Мы собирались по воскресеньям и средам в какой-нибудь пивнице или, попив пива, слушали рассказы руководителя. Веселые песни и игры—вот чем заполнялись вечер рабочей молодежи. Тут же, в комнате, пропитанной запахом пива и табака, мы занимались физкультурой. По воскресеньям устраивались экскурсии. Приказано было являться в «приличном» костюме, норковице и галстуке. Несмотря на скучные средства, мы умудрялись вышибать по кружке пива где-нибудь в деревенском баре.

Но вот однажды на прогулке мы встретились с товарищами из соседнего города. На них были короткие брюки, за плечами вешенные мешки.

В панам кружке начали протест против «приличного» костюма. В следующее воскресенье я пришел в коротких брюках. Руководитель предложил мне уйти, так как Союз рабочей молодежи—костюмированной бал. У меня оказалось много единомышленников. Руководитель был смущен, мы добились своего.

Очень долго наша группа состояла только из авантюристов, лица постепенно число ее членов удивлялось. Среди нас создалась мысль: нужно жить просто и кротко. Правда, в связи с этим пошла всякая ерунда, но мы решительно заявили, что «любопытство детства», и вскоре все наладилось.

Как вдруг разразилась война. Однажды на одном из наших собраний, состоявшемся после 4 августа 1914 г., руководитель нашей группы ошибочно заявил, что в связи с войной положение Союза рабочей молодежи становится опасным. На обратном пути мы решили пойти в «Интернационал». Но не успели мы пропеть первую строфу, как руководитель сурово потребовал, чтобы мы замолчали. Мало того, он взял с нас слово, что мы и впоследствии не будем петь эту песню.

Для нас молодежь, читавшей Карла Маркса, это было большим разочарованием. Неужели всеобщий военный энтузиазм охватил а masses трудящихся?

Летом 1915 г. наши сердца радостно забились—появились написанные на машинке прокламации из Швейцарии! В пыльных словах выражалась мысль, что каждый честный рабочий должен быть противником войны. Это произвело на нас сильное впечатление. Мы прямо заявили нашим взрослым товарищам-пролетариям, что считаем представителями тех вождей, которые стоят за войну.

Однажды на празднике союза выступил секретарь партии Эрнст Бранденбург с железным крестом на груди и торжественно заявил: «Кто не хочет войны, тот не хочет мира!»

Мы покрали смехами и криками эти возмутительные слова. Несогласные с нами взрослые товарищи старались аплодисментами заглушить наши смехи и даже грозили нас побить.

Позже, осенью 1923 г., этот же Бранденбург, уже социал-демократический депутат, на массовом собрании рабочих говорил о том, что причиной ужасного современного положения Германии является война и монархия.

В это время создалась независимая социал-демократическая партия, и мы, молодежь, вошли с ней в контакт. Сезд союза в Магдебурге внес некоторое прояснение. Но по возвращении домой мы опять начали окостеневшей борьбой с теми товарищами, которые продолжали слепо доверять предателям-вождям.

Нас больше всего волновал вопрос, как реагировать против войны? Мы сознавали свою слабость, и потому вся наша деятельность ограничивалась лишь дискуссиями со взрослыми рабочими, солдатами-отпускниками и женщинами.

Но вот началась организация военных отрядов молодежи. Предлагалось создать такие отряды при всех профшколах.

Мы начали бешено агитировать против намерения заведующего профшколой Зоргенфера создать такой отряд и у нас в Стензеле.

Назначен был день и час сбора учеников на речнойной площади. Мы явились очень рано и горячо убеждали всех в необходимости спасти затем правительства. Наша агитация распространялась не только на молодежь, но и на взрослых рабочих. К предстечинам Бранденбурга и Берлина мы отнеслись с презрением. Разрыв с ними уже намечался, хотя официально еще не произошел. Мы успели разделить большое количество прокламаций, а к 7 часам собралась большая толпа. Согласно нашим указаниям, профшкола явилась в полном составе.

Заведующий школой Зоргенфельд, офицер и несколько унтер-офицеров неуверенно поглядывали на собравшихся. Наконец Зоргенфельд скомкал:

— Назначенный в отряд ученики профшколы вперед! В отряде никого не хотят. Начальство растерялось. Вызвали полицию. Офицер задумал...

— Кто немедленно не исполнит...

Отгрызанный рев толпы заглушил его слова.

— К корту, не согласны, по домам!

Офицер побледел, как пододил. Ничего подобного он еще не переживал.

Полиция никак не могла придумать, кого выхватить из толпы.

— Турек! Где он? Гофман! Где Гофман? Проклятая банды! Откуда у вас прокламации? Следуйте за мной!

Началась сплошная давка. Толпа окружила полоцкого. Он уже не знал, что делать, кроме как только о своей безопасности.

— Да засчитают социалисты!

— Народ с лапами, мы победим!

Толпа продолжала волноваться. Начальство ударило. Военный отряд был создан.

Прошло три недели. Меня и трех других парней—Горайского, Гофмана, Зандфельбена—вызывают к начальнику полиции в Трептов. Мы тотчас же решаем устроиться из этого дела демонстрации.

— Ребята, говорю я собравшимся товарищам, — мы отправимся туда в деревянных башмаках на болу ногу с красными физкультурными шарфами вокруг пояса, без куртко. Вот будет спектакль! Если они будут нас спрашивать относительно прокламаций, мы ничего об этом не знаем, вообще никто из нас ни губу ни о чём...

И вот вся компания у начальника полиции.

— Турек?

— Дяде!

— Чем занимаетесь?

— Наборщик.

— Типографский ученик?

— Да.

— А вы?

— Обойщик?

— Ученый?

— Да.

— Зандфельбен, чем занимаетесь?

— Слесарь.

— Ученик?

— Да.

— Не валийте дурака, вы в полиции! Скажите, вы все, значит, члены Союза рабочей молодежи?

— Да.

— Что вы там делаете? Гофман, я спрашиваю вас.

— Да так, ничего особенного!

— Чем же значит? Отвечайте на вопросы! Что вы, например, делаете по воскресеньям на собраниях союза?

— Иногда играем в шахматы.

— Что еще?

— Еще! Играем и в другие игры: в шашки, в ламки, например. Ерудиша! Какие вы там песни поете? Зандфельбен, я вас спрашиваю.

— Всикси песни поэм.

— Что это у вас за дурацкие красные повязки вокруг пояса? Почему вы в деревянных башмаках?

— В Берлине студенты часто разгуливают в таком виде.

— Они хотят демонстрировать патриотических чувств, чтобы остались побольше сил для фронта, а вы демонстративно одели их. Потому что это за шарфы? Снять красные трикотажные немедленно!

— Никак невозможно!

— Почему невозможно?

— Штаны свялятся!

И поступил в типографию.

— Что это за дурацкий протест против организации военных отрядов в школе? Уже не думаете ли вы бороться с правительством в форме демонстраций? А откуда у вас прокламации? Турек, Горайский отвечайте!

Я не видел никаких прокламаций!

— Вы не желаете сейчас отвечать? Хорошо, вы нам ответите потом, но вам не забороть. Скорыи вы опять будете вызываны сюда, а сейчас убрайтесь...

Тем дело и кончились.

Всюду, где только было возможно, я агитировал против войны. В типографии за работой я вечно твердил:

— Война должна окончиться! Пора прекратить эту войну! Революции необходимы!

На митингах обращали внимание, считали меня моловолосом, маленьчиком. Ясно вспоминаю один случай. У нашего наборщика Гранца было сыи на фронте. Он участвовал в боях под Ипром. Точно этого наборщика не знал, но так как последние письма были оттуда, он решил, что и его сын способствовал победе немецкого оружия, и вот несчастный отец купил кунту черно-белое красное знамя и вывесил его в своем окне. Я им хотел удержаться, чтобы на следующий день в типографии не посоветовать белые заменить патриотический флаг тираническим.

— Ты лучше свою работу делай, моловолос, да держи язык за зубами,—отрезалась Гранца.

Но я знал, что Гранца, получившего известие, что унтер-офицер Гранц погиб доблестной смертью при штурме Ипрома, не забыл о нем. Я знал, что он знал, что есть такое слово, как Гранца.

Все больше и больше людей из нашей среды захватывали проклятую войну, в продуктах питания становилось все меньше и меньше. Огромные очереди змеились повсюду...

На предприятиях работа шла белесым темпом. Постоянно сверхурочные часы, постоянно изнуряющая сверхурочная работа! Нам, ученикам, платили мало, от головы смыли убийства.

Всю страну должна была страдать, все отдать в жертву для подлонного конца войны.

Невзирая на трудности, мы продолжали вести агитацию; продолжали нашу организационную работу.

А фронт все требовал пушечного мяса. Наконец вспомнили и обо мне.

Ити не хотелось. За три дня до медицинского освидетельствования я начал поститься—ничего не ел, пил только черный кофе.

Не помогло. Освидетельствование продолжалось одну минуту:

— Ближе подойдите, ближе, не бойтесь,—сказал мне врач при осмотре,—это еще не фронт, здесь еще не стреляют. Прекрасный цвет лица! Годен в полевую артиллерию! Следующий!

Я очутился в казарме Гут-Бланкенштадт, где находился мой другой действительный штаб из Стензела. Он сообщил мне, что из казармы нельзя никаку отлучаться, по крайней мере, в течение первых четырех недель; и сейчас же решил нарушить это недолое правило.

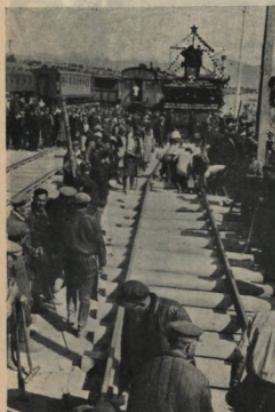
На следующий день мне выдали обмундирование. Брюки были сапсаном коротки, гимнастерка слишком длинна. Казалось, что я в пальто. Голова и уши утопали в огромной фуражке.

Узнала, что мой приятель Зандфельбен тоже в Магдебурге, я решил его разыскать, и, несмотря на строгое запрещение, пошел бродить по городу, предварительно добившись более приличного обмундирования. Зандфельбена я не нашел и отправился гулять по главной улице Магдебурга.

Меня поспешили встретить одного оппозиционно настроенного товарища из Союза рабочей молодежи. Мы поклонились, поцеловали. Он возмутился представительством вождя союза.

Продолжение следует

СТАВИМ НА РЕЛЬСЫ НОВУЮ ЖИЗНЬ!

ТУРКСИБ ОТКРЫТ!

25 апреля 1930 г. на ст. Айне-Булак произошло смачное событие — когда участники Турксибской соревновательной гонки по железнодорожному строительству СССР. Регулярные движения по Турксибу открывались 15 мая. Официальные торжества по открытию линии начались в 1927 г. Срок постройки был установлен 5-летний. Потом этот срок был сокращен до 3 лет и 6 месяцев, а в 1929 г. и в конец 1931 г. однажды, благодаря выдающемуся труду коммунистического коллектива работников Турксиба, строительство завершилось на год раньше срока, назначенного по последнему утвержденному правительством плану.

Протяжение Турксиба от Семипалатинска до ст. Жетысу (Средина) было 1442 км. Стоимость строительства была определена в 203 млн. 707 тыс. руб. Однако эта стоимость была снижена до 175 млн. руб.

На снимках: Слева — момент смачного старта соревнований по строительству Турксиба. Справа — казахи-помощники ст. Май-Тобе готовятся к открытию Турксиба. Внизу — казаки, которые посыпали на ж. д. (Турксиб), рассматривают управление стрелкой.

В ПЛАМЕНИ БОРЬБЫ...

Дм. Лебедев

В этом году в Люстгартене, традиционное место берлинских маевок, пришло двести тысяч людей. Такого людского моря Берлин не видел со времен революции. Демонстранты шли колоннами за колонной, наводнив улицы, приводя в смущение многочисленную полицию. На этой соудору демонстрации побывал спикер парламента: пустыни слух, что коммунисты идут с оружием, что на этот именно день Коминтерн назначил мировую революцию и прочее такое — панический обыватель перенесутся от любой сплетни о коммунистах, какой бы вздорной она ни была.

Двести тысяч! В прошлом году было сто. Сто процентов роста — не так уже мало для революции. Мы у себя знаем большие темпы, но не нужно забывать, что мы живем в стране победившего пролетариата. А что в Германии пролетариат еще не победил, это мы показали в 1923 году, когда рабочая демонстрация превратилась для пролетариата в великолепный маневр тренировки собственных нервов, потому что молодые Цертибайды, набившие себе руку на расстреливании беззоружных демонстрантов, ассы спаслись спровоцировать коммунистов на кровавое побоище.

Демонстранты обнаружили исключительную революционную выдержанку, чего нельзя сказать о Цертибайде и его банде: вооруженные бандиты с берлинских улиц кое-где не выдержали и пустились в ходрезиновые дубинки против демонстрантов, не выражавших никакого намерения вступать в бой с полицией. Это приятный признак: враг не винчит. Пролетариат спокоен: это то спокойствие, которое наступает перед бурей.

Собаку, почтительно приветствуя начальство и подобострастно склоняя головы перед представителями законности и порядка, элитные жажденные колонны социал-демократов, Душители рабочего класса «воюю своим ходом», не хотят вспоминать о своем прошлом и потому тоже решают демонстрировать свою преданность капиталисту, то бишь — «демократии». Несколько реденьких тысяченок партийных и профсоюзных бирюкаторов, робко прижимаясь к панелям, професиировали в блестательном одиночестве перед торжественной буржуазией. Гляди на них, любой капиталист мог бы со вздохом облегчения сказать:

— Если бы пролетариат был в действительности так жаден, как они!

Несомненная надежда! Пролетариат вышел на свою маевку — коммунистическую маевку — двухсоттысячной армией. Это была most-демонстрация, демонстрация нового типа! Через зевь пролетариат подтвердил эту напреклоненную позу, посыпав на улицы Берлина пятьдесят тысяч своих представителей на демонстрацию в честь защищенного Союза красных фронтовиков. Пятидесяти тысячам демонстрантов в честь Красного фронта была ярым заключительным аккордом прошедшей маевки. Не помогли триста лет творческих, на которых осуждены десятки пролетариев, за привиделось им вспомнить о том, что вчера в берлинском районе было 22 тысячи брантивиков. Переход в подполье, несомненно, должен был несколько ослабить его ряды: сейчас здесь насчитывают всего 6000. Зато на демонстрации против запрещения союза вышло 50 тысяч берлинских рабочих — его резервы: таковы результаты запрещения. После маевки приток новых членов в союз еще усилился. Пополнились и ряды компартии комсомола.

Голодный поход английских горнников на Лондон.

Боевой итог берлинской маевки: компартия становится партией большинства пролетариата, от социал-демократии отходит все больше и больше кадров. Этим же временем и борьба за власть. Длеса позиций тревожны и беспокоят, что в демонстрации коммунистов участвовало 50 000 человек. Известно, что у полиции строение глаз обладает особым свойством сильно преумноживать массовые выступления. Подобную цифру полиция называет впервые: даже политеатральный глаз не мог не заметить, что на этот раз маевка превратилась в поистине грандиозное зрелище.

Надо, одноко, признать, что буржуазный Париж сущен не меньше Берлина. Здесь тоже вышла неожиданная и конфузная для властей история.

Утренние парижские газеты объявили итогом маевки, что коммунизм во Франции окончательно разгромлен и что прошедшая демонстрация обнаружила полный провал компартии. Бульварная печать в свойственном ей изяществе, когда-то доведенном до боли в сердце, газеты не раз бывавшие рулетом министерства иностранных дел, «Журнал де Деба», то она не преминула одернуть заравнавшихся москвичей: не преумножай опасности!

Коммунисты — серийный и хитрый враг, — отечески получила свою бульварную стачку. — Они могут внезапно напасть с самой неожиданной стороны.

Небородой памяти генерал Фош в одном из своих воспоминаний о преследовании воспитанников той эпохи приходится в смятение от двух-трех случайных снарядов, брошенных в город отступающим противником, и которая лизгает, когда в городе тихо и когда, может быть, неприятель пододшел настолько близко, что никакая артиллерийская стрельба уже невозможна. На сей раз честные почитатели маршала Фоша оказались в положении вышеизначенной «толстой». Из года в год буржуазия «душа» первого и второго солдата тренирующей буржуазии обмывает приоткрывает окно и вслушивается.

Идти или не идти? Его судьба, может быть, уже решена в основных опорных пунктах капитализма — на крупных предприятиях, в военных частях, на стратегических линиях. Но если на улице спокойно, означенная «души» возвращается в исходное положение, и буржуазия лизгивает.

В этом году, как и в прошлом, на главных артериях Парижа не было рабочих демонстрантов. В Париже маиские праздники превратились в демонстрации пролетариата, продержавшегося в течение трех дней. Из года в год растет число полицейских, привлекаемых в Париж в день 1 Мая. В этом году в Париже из улиц в день 1 Мая полиция «демонстрировала» при поддержке «броненосцев» и прожекторов эффективное зрелище. Если дело пойдет так и дальше, то Париж рискует очень скоро увидеть на улицах «демонстрацию подлинного боя».

Но если буржуазные кварталы Парижа в этом году не увидели мощных демонстраций, то в его пролетарских пригородах под ным названием была компартия. Триста тысяч парижских рабочих отклинулись на призыв компартии: обильять политическую первомайскую забастовку. Стало крупнейшее предприятие Парижа. Узины пригородов пестрели красными флагами. Полицейские боялись сунуть нос в красные кварталы Парижа, а те, кто совал туда свой нос, были вынуждены сунуть его обратно в носом или еще чаще — с подбитым носом.

Чтобы окончательно опровергнуть гипотезу троцкистской болтовни о том, что никакого революционного подъема во Франции нет, что этот подъем — только выдумка Коминтерна, поднялась вся французская пролетарская провинция. В Бассейне Луары бастовало 60 тысяч рабочих: это рекордная цифра забастовочного движения за последние десять лет, и эта цифра достигнута под руководством компартии и в связи с политической первомайской стачкой.

Союза фландрского рабочего района Англии также поставила в этом году свои рекорды и тоже в своей пролетарской провинции. В Брайфорде, где под руководством компартии продолжалась национальная забастовка борьбы, в коммунистической маевке участвовало 20 тысяч шерстяников. Богобязанный Иоркшир, славящийся своими двуногими и четырехногими связями, никогда не видел подобного количества. Ах, ведь, шерстяники не только шерстяники. Ах, ведь, коммунистические плакаты «Долой социал-демократическое правительство Макдональда» очевидно, брошенные ими произвол капиталистов брайфордские шерстяники успели уже по достоинству оценить все блаженства социал-демократического макдональдовского рая.

Не поддавал и рабочий Лондон. Когда макдональдовцы устроили 4 мая свою законом дозволенной воскресенье демонстрацию

в парке Виктория, они оказались в непрятном соседстве с нескользкими тысячами безработных комсомольцев и коммунистов. Сильы испектия «мыши» эти величественные социал-фашисты, когда их изувечили, были вынуждены выступление перед «сборищем голодных обронцев», как поистине называла пролетариат его признанный «вождь» Томас, «Оброница», как и полагается, высказали «вождям» все, что они думают о правительстве социал-лакеев его величества. Макдональдцам должны были свернуться и уйти из парка с носом, провожаемые монстрами звуками столь необычного для лондонских улиц «Интернационала».

Макдональд действует достойным образом на это непочитительное выступление безработных: когда на следующий день к нему явилась делегация участников голодного похода, полиция встретила ее дубинками. Премьер его величества оказался верным своей лакейской природе.

Все рекорды побил в этом году и прославленный миророй бандит Уолден, по ironии судьбы стоявший во главе нью-йоркской полиции. В Нью-Йорк к 1 Мая было стянуто 19 тысяч полицейских: это было блестательный парад американской демократии. Уолден предполагал «пустить в ход» и некоторый испытанный им еще на бандитских ролях прием: он послал в Дом трудящихся маевку, спешно заготовленную безграмотной фальшивкой, в которой господин Коминтерн поручал господину Графенцу устроить в Нью-Йорке революцию и притом исключительно на московские деньги. Подобная листовка могла бы подействовать на демонстрантов удручающе. Однако, когда на нью-йоркские улицы вышли пятидесятисильчина демонстрация, Уолден благородно, поспешил, распорядиться, чтобы опубликование фальшивки было немедленно отброшено пришло ли бандит в политической форме видеть пятидесятилетнюю демонстрацию в честь Советского Союза?

В Нью-Йорке, как всегда, были дубинки и газы, вызывающие слезотечение; первомайская техника нью-йоркской полиции очень однообразна, на этот раз ее разнообразила только то, что полиции нехватило работы: подчас на площадях полицейских оказывалось больше, чем демонстрантов. В результате с каждым годом маевки демонстрации охватывают все большее число городов. В этом году не было ни одного крупного центра, в котором не состоялась бы коммуни-

стическая демонстрация: страна первой маевки возвращала себе почтительное место в ряду стран высокого революционного подъёма.

Эта черта — колоссальное расширение мощи первомайских выступлений — составляет главную особенность прощедшей маевки. Из «классических» стран боевых маевок — Германия, Австрия, Польша — идея боевого мая перебрасывается все дальше и дальше. В этом году не было уже ни одной страны, где бы маевка не означенчала подъема рабочего класса, рабочих колоний, и стоклоповини с подпольем. Даже в таких «тихих» странах, где еще недавно бывали случаи отмены маевки «вследствие ненастной погоды», — в Швеции, Норвегии, Дании, — все города в этом году были охвачены пролетарскими выступлениями.

Как всегда, с большим подъемом прошли маевки выступления в Балканских странах. В России Гамбург, столица германского фашистского террора, несмотря на то, что пароангар заранее выловила всех подозреваемых (в одном Бухаресте было арестовано 500 рабочих), маевки превратились в гран-

диозные боевые выступления. В Греции столичный порт Тирей стоял ареной ожесточенных боев между полицией и рабочими, прорвавшим значительные потери. Парлеские рабочие научились в совершенстве владеть уличным оружием — камнями: искусство, которое им, несомненно, пригодится в предстоящих боях.

В Венгрии, где социал-демократы устроили «немую» прогулку в тесном единении с фашистской полицией и под охраной 17 броневиков, революционная молодежь устроила самую настоящую «спартакиду», превращающуюся в столкновение с полицией и фашистами.

То же самое расширяется не только за счет «цивилизованных» стран. В этом году впервые первомайский праздник широко развернулся в колониях. В Калькутте, где революционная волна поднимается все выше, коммунистическая демонстрация собрала несколько тысяч человек. Не нужно забывать, что в Индии до сих пор нет ни партии, ни комсомола, и что здесь всегда присутствуют бандиты, ведущие сражения с индийской армией. Несмотря на это, коммунистические знамена собираются здесь уже сейчас монстры демонстрации. Тицерелльский «Моринг Пост» прав, когда он пишет о «ирезицайонном распространении коммунистических идей в самом уязвимом месте британского могущества».

Шанхай в день 1 Мая был превращен в осажденный лагерь. Мы не знаем, как прошла маевка в советской рабочей стране, но красные орудия Китаев открыты с высокими поблесками над гонконгскими воротами, так что именно в этот день империалистические газеты сообщили об угрожающем положении в Гуандуне, Хубее, Чзянси и Чжечжайне.

Впереди трехтысячный демонстраций отмечал маевку «жемчужину американского капитала» — Филиппины. Поневоле и его французский собрат: в день 1 Мая заставили предприятия Алжира и Туниса, и арабский рабочий класс выступил на улицы под коммунистическими лозунгами.

Наконец парад демонстраций охватил всю Латинскую Америку. В Перу, Бразилии, Мексике и Аргентине 1 Мая отмечено сотнями арестов, демонстрациями и забастовками. В Кубе, где царит кровавый диктатор Мачадо, рабочие колонии вступили в бой с полицией. Парк имени Ленина на рабочей окраине экзотической Гаваны стал местом борьбы коммунистической полиции: пролетари Кубы цепью трех убитых и нескольких деревьев, панцеры раненых отстояли свое право на демонстрацию.

Сколько тысяч демонстрантов вышли на улицы в эту очередную маевку? Трудно, почти невозможно подсчитать это число. Многие демонстрации в Польше, во Франции, в Чехо-Словакии, в Греции, в Латинской Америке проходили в условиях террора, под прикрытием «надзором» броневиков и дубин.

Но мы не ошибемся, если скажем, что прошлогодняя маевка была революционным праздником миллиардов. С каждым годом маевки знамена проникают все дальше и дальше. С каждым годом история отмечает все новые и новые страны революционного подъема. Коммунистические майские лозунги пробивают себе путь к тропикам, к экватору, в приполлярные страны. Их не останавливают террор, расстрелы, массовые аресты, социал-фашистское предательство.

Миллионы вышли на улицы в городах Советского Союза. Миллионы вышли уже сейчас в городах капиталистической мэрии. Смотр пролетарских сил показывает сплочение классового фронта. Революционная история шагает краинами шагами. Стремка капиталистического барометра приближается к той точке, у которой написано: «турба».

Мы не боимся бури. Ветер надувает паруса революционного корабля. Испытанный рулевой — Коминтерн — знает курс. Рождений в бурях, он смело поведет на встречу им своих победные миллиардные армии.

Молодежь Гамбурга на первомайской демонстрации.

ГОЛОСОМ МИЛЛИОНОВ

ДРУЖБЫ МЕЖДУ НАРОДАМИ ПОЧЕМУ ПРАВДА?

НИНЬ

В последних числах мая 1924 г. происходил XIII съезд партии. В резолюции съезда говорилось: «Радиоиздательская работа комсомола далеко недостаточно обслужена литературой. Необходимо закрепить и обеспечить сетью юношеских областных газет (бюро, крестьянских и национальных). Должна быть создана всесоюзная комсомольская газета».

Это решение партийного съезда было реализовано ровно через год—24 мая 1925 г. вышел первый номер ежедневной газеты «Комсомольской Правды». До этого центральным органом комсомола был журнал «Юный Коммунист». Но разрыв между комсомольским и милиционным союзом через журнал в реконструктивный период? Конечно, невозможен. Но, с другой стороны, хватит ли сил, чтобы поднять такую огромную тяжесть, как ежедневная руководящая газета?

Как и при всяком новом начинании, на ряду с оптимистами были предупреждения и даже пессимисты. Одного из них газета «Нес выдержки!» О них во вторую свою годовщину вспоминали «Комсомольская Правда»:

«Помнится, как раньше нам Цекалове приходилось мечтать о большой всесоюзной комсомольской газете. Но вдруг это удалось осуществить. Но уже зато, когда взялись за создание такой газеты, то сразу же почувствовали опасность. Многие сомневались, выйдет ли, пойдет ли, не сорвется ли... А «вышло» сразу и довольно неоднозначно. Да иначе и не могло быть. Такое мощное движение, как комсомол, не могло не подняться... своего центрального органа».

Пессимисты оказались, как это обычно бывает, полемистами. Слава же оптимистам, которые отстояли ежедневную газету.

Слов нет, трудно было спротянуть «Комсомолку»: опыта не было, кадров не было и читателей не было—их еще нужно было завоевывать. И не будет преувеличением сказать, что редакционный коллектив долгие годы нащупывал, долго экспериментировал, чтобы дать «Комсомолку» свое лицо, создать новый тип масштабной руководящей газеты.

Сколько работников прошло за эти годы через

редакцию!

И всех их одновременно левала юношеская лишилась власти, одна, но пламенная страсть»; дать «Комсомолке» свое оригинальное обличье, сделать ее боевой газетой милиционного комсомола. Разве легко это сделать? Быть может, было бы легче, если бы сотрудников не было, если бы концовка не была, и материалов не было. И говорят, что иногда передовые статьи приходилось давать на такие «боевые» темы, как задачи спичечной промышленности Белоруссии... Что же делать, если другие заявки тогда «не давались» редакции. Но разве это корю?

Помещалась первый год редакция в типичном переулочке — Ваганьевском, номер 16. Не очень-то славный и известный переулок. Больные в Москве и за пределами Москвы известны Ваганьевский кладбище. И многие многие недоумевали: как может эта молодая газетка вырасти на Ваганьевском кладбище? Может быть, это по Пушкину...

И пусть угробного входа
Младым будут жалко играть...

Иногда приходили конверты с надписями:

Москва. Ваганьевский
кладбище. Редакция «Комсомольской Правды»

Мне нравится очень-то весело

чувствовать себя наш читатель, выво-
дя хмурый кладбищенский адрес.

Редакционные работники первые ме-
сяцы тоже чувствовали себя не очень-
то «за седло». И когда приходилось ма-
куда-либо звонить, где-либо брать ма-
териал, то предпочитали рекомендо-
ваться:

Сотрудник... «Правды»... Но комсомол хотел создать автори-
тическую боевую газету, и он ее со-
здал.

Выход ежедневной центральной

комсомольской газеты был встречен,

может сказать без преувеличения, с
восторгом.

Первый номер «Комсомольской Правды» имел 30 тыс. читателей, а со-
того уже 100 тыс., а сейчас ее ти-
раж... 35 000. К концу же пяти-
летки «Комсомольская

Правда» несомненно буд-
дет иметь не менее 750 тыс. чи-
тателей!

Выход ежедневной газеты «Комсомольской Правды»

быстро заставил себя авторитет в комсомоле.

Она стала лучшим другом и помощником

комсомольца во всей его работе.

Тысячи комсомольских пишут в редакцию письма, письма отца

и матери, письма от сына и дочери.

Вот отрывки из двух писем Пишет

Устюговская из Кирея: «Случайно

я напустилась на «Комсомольскую

Правду». Прочла ее всю от начала до конца. Она мне так понравилась, что на

следующий день я стала ее постоянным

подписчиком. Бодрые и мощные, зо-

лушательные, яркие, яркие, яркие

и яркие письма, интересные статьи о практи-

ке и теории нашей работы, богатый материял о жизни и быте зарубежной

молодежи, оказали на меня большое вление.

То, что раньше я считала ненужным, скучным, стало для меня

интересным, повседневным необходимым.

Я стала больше участвовать в общем комсомольском физкультуре. Чита-

ю, учусь, бодрой смотрю на жизнь.

Этим я обязана «Комсомольской Пра-

веде» и за это шлю ей горячую благодарность».

Туристы юноши прислали в 1927 г.

в редакцию колективное письмо.

«Мы на себе убедились, — заявляют они, — как за два года из существования

«Комсомольской Правды» не

раз поднимала и поднимает

на своих страницах такие

вопросы, которые тре-
ватят рабочую мо-

лодежь, и эти

вопросы

ПЯТЬ ЛЕТ РА-
НЕПРЕСТАНОЙ
БОРЬБЫ — ВОГ-
ЛОДОЙ „ПРАВДЫ“
ПРОШАГО.

В ПЯТИЛЕТ-
РЕСТРОЙКИ И
ОБЕЩАЮЩЕЙ Х-
ЧЕННЫЕ СХВА-
СОЦИАЛИСТИЧ-
ПЯТИЛЕТКЕ ГА-
СОМОЛЬСКА
САМЫМ СТОЙКИ-
РЫМ, САМЫМ У-

В ЭТО ВЕРНО-
ВСЯ РАБОЧАЯ Н-
ВЕТ „КОМСОМОЛ“

Вверху: радиостанция «Ком. Правда»; внизу: редакционное совещание сотрудников.

«По телевидению

Ударный цех.

Двенадцать лет назад опустел и замер пятиэтажный, пегий завернувшийся корпус резинового завода «Проводник». В проемы окон залетали газли и гудки; лестницы поросли зеленью; беспомощно, жалко выглядели замыленные части машин; «мозги» растворялись в пыли.

Весной 1929 г. в Туровский овраг, на берегу реки Сходни, в 17 км от Москвы по Балтийской линии М. Б.-Б. ж. д., пришли антиузники-строители и вздохнули новую жизнь в мертвый организм. Взбуждая запруженную Сходни, посреди пустого поля выросла новейшая железнодорожная платформа «Трикотажная»; начали останавливаться поезда.

Полгода понадобилось, чтобы через ИК РДО, директором которого—только—стали рабочие единого поездов выбили новой трикотажной фабрики. В январе 1930 г. фабрику подожгли предатели. Рабочие отстояли корпус и скрепами кладовая с полуфабрикатами. Несколько раз возникал угрожающий вопрос: «быть или не быть?» Слишком много зияло прорех, провалов, требовавших так много и сил и средств. Не было арматуры, отопления, труб. Но энтузиасты не отступали. Они, перебравшись в бывшую мастерскую сортировщиков, на 30% московской производительности труда и—в две недели обогнувшись временное отопление; по-боевому, по-социалистически ликвидировали и все остальные прорубы.

Сейчас остались одни мелкие трудности и недостатки. Их очень много,—принимается директор фабрики, рабочий-текстильщик Гаврилов,—но мы все свои недостатки хорошо знаем и видим.

В этом огромном, чудесном зале фабрика № 3 треста Мостстроитэкса, одна из первых в Европе по величине, оборудованная двумя тысячами чулочно-вязальных автоматических машин американского производ-

ФАБРИКА МОЛОДОГО ЭНТУЗИАЗМА

О. Ровинский

ства, находится в верных руках и на верном пути.

Свой профинплан в апреле фабрика выполнила прогрессивно: растет. К концу года фабрика даст два миллиона прибыли, а к концу пятилетки ежегодно будет давать сто миллионов продукции. На очереди строительство. В имени б. князя Шербатова, рядом с фабрикой, предположено выстроить рабочий городок, а корпусу теплешного общежития с камерной системой будет приспособлен под фабрику детского хутора. Еще нет бывшего рабочего дома, хороший стоял и клуба, фабрика находится в стадии расширения своего производства. Много машин стоит в запасе из-за отсутствия достаточного количества подгото-вленных рабочих.

На фабрике почти три четверти рабочих—молодежь. Она заполнила все станки; молодежь—подмастерья и помощники мастеров, инженер, Кухарин—комсомолец. Фабрика молодежи! Это придает ей особенное значение. Оно заключается в том, что здесь делается не то, что делается на фабрике, как работает молодежь и под каким влиянием она находится.

Комсомольская ячейка фабрики огромна—400 человек, но, комсомола на фабрике не чувствуется. Другие, чужие комсомолу настроения владеют молодежной массой, и в хвосте этих настроений подчас плеется комсомольцы. На собрании стоял вопрос, чтобы 20 апреля работать, а за счет этого увеличить на один день первомайский праздник. Отгадка: комсомольцы голосовали за то, чтобы на пасху не работать. Оправдываясь, они говорили:

Мы отражаем настроение рабочих... А фабрика требует твердого, выверенного политического руководства.

Ведь фабричные кадры еще не отстоялись. Каждый месяц дает фабрику новые сотни парней и девушек. Они идут из деревень, из детских домов, не зная, что такое фабрик, трудовая дисциплина, деле-

В первомайском цеху.

гатка. Выходит из деревни больше половины, детей рабочих только 20%. Здесь на фабрике непочатый край для комсомольской работы. А делается очень, очень мало.

Все силы фабрики направлены сейчас на выполнение профинплана. За первый квартал до контрольных цифр недоработано 25%. Летучий митинг на дворе за ликвидацию прорыва сделал свое дело. Во втором квартале отдельные цехи выполнили про grammы с превышением. От общей ударной группы фабрика перешла к ударным группам, коллективам, столам с коллективной оплатой труда.

На лестнице производственного корпуса висит доска с кричащими цифрами:

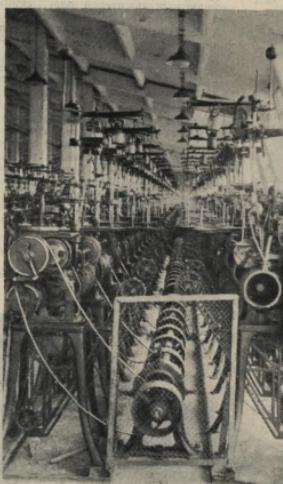
Моталка	109%
Вязальный цех	126%
Котельный цех	89%
Брак	27.2%, срыв—9.6%.

Это так выполняется профинплан. В моталном цехе красная доска:

Ударник—активный помощник в выполнении пятилетки! Первая ударная группа моталок. Коллективная оплата труда. 8 человек работают на одну расчетную книжку.

Кто следующий?

Яркий боевой вызов. Проворно и скоординично работают ударики. У каждого 18 веретен. Глаза зорко следят за вертлюжками «фигурками» и шпульками с искусственной «шляпкой» инвалидов. Инвалид, бывший бомбардир, инвалид, вызывает обрывы, смешает размотавшиеся «фигурки», исправляет поломку. В ударной группе нет лентьев и роторов. Все одинаково выполняют норму. Плохой работник

Общий вид вязального цеха.

снажил бы общую выработку, а значит, и зарплаты своих товарищей.

Рядом с ударной группой мотают суржую чиньчицы. Они «неударные», работают на жалованье, не сделью, и это чувствуется: работают они с прохладой.

— Какая разница между вами и ударниками? — задаю я шуту каверзный вопрос.

— А я, право, не знаю... — простодушно признает краснощекая ученица из летдина, с удовольствием отрываясь от работы.

Как же не знаешь, ведь рядом работаша?

— Да так. Я только четвертый месяц работаю, мне не обясняли.

— Часто речется вить?

— Не знаю... Часто, какись...

В цехе больше ста групп, в ударных только четыре. Разяснительная работает с учениками, проводит инструктажи. Ученики не чувствуют ответственности за работу, за машинами, не втыкают в ударицким.

Взглядальный цех—основной и самый трудный, оборудованный американскими машинами «Скотт Вильямс». Квалифицированный рабочий обслуживает 20 таких машин; ученики то же количество машин обслуживают по двое, по трое.

Подмастерьем здесь Дубянка, комсомолец, еще не имеющий сантехнического образования. Он слегка знает машину и учит других, как на них работать. Ударных бригад в цехе нет. «Ни оправданий надежды, и некому удалять». Ученикам не доверяют. Учеников в цехе 80%.

Недавно цех перевели на две смены, а с нагрузкой не справились. Машины стоят. То частей нет, но потому, что некому следить за машинами. В группе Дубянки 16 человек, и из них только одна старая рабочница. Тогда в цехе производительность достигла 18%, вместо предельных 10%.

Я думаю... — озабоченно говорит Дубянка, — тут виновата администрация. Уже очень часто она перебрасывает рабочих с одного комплекса на другой. Не успевают освоиться и узнать дефекты своей машины.

Встаёт вопрос о кадрах, о повышении технической грамотности молодёжи. Зимой при инженерно-технической секции были организованы курсы по повышению квалификации подмастерьев.

Программа была составлена с расчетом пройти в четыре месяца математику в объеме семилетки. Не знающим четырех действий арифметики подмастерьям предложили решать алгебраические задачи. Курсы, конечно, распались. Сейчас обдумывают новую программу курсов. К осени откроется

школа ФЗУ. Только через два года фабрика будет иметь свой кадр квалифицированных рабочих.

У входа в кеттельный цех бичующая табличка:

Слабая производительность!
Штотапки—75% выполнения плана
Подшивки шва—45%
Небрежная работа бортовщиков (косые борты)—73%

Подтапляем!

Кеттельный цех самый многочисленный на фабрике. На каждой машине по рабочему. В цехе происходит процесс: петлевки, подборки шва, бортовки, вырезки и сортировки чулок. Отсюда полуфабрикат поступает на другую фабрику треста Мостротехтаж в Москве, где его красят и формируют. В мае заканчивается монтаж красильного и формировочного цехов. Тогда фабрика будет представлять собой вполне законченный комбинат.

Кеттельный цех только еще разворачивается. Десятки машин бездействуют, за-

так как в цехе нет рабочих.

Чтобы выполнить профинплан, на мой взгляд, все смены нужно перевести из обычной расчетной книжки. Тогда не будет простоеста. А то пока сменщица снимает с машины чулок, а другая после нее заправляет машину, вроде пропадает время. Но разве их скроет убийство? — Данилова гордо смотрит в сторону девушек. Они боятся, что их десять конек кому-то передадут. Говорю им: «Разве я для себя стараюсь, взм же лучше: выработку увеличите, и заработка повысится!». Поговоришь так с ними, согласятся, а потом встреч со мной избегают, боятся. «Вон идет!» Отработают свое и куда-то бегут, даже на собрания не остаются. Муж, говорит, дома ждет, комната закрыта, никого не пускает. Данилова говорит: «Дусь, давай сделаем, как ты говоришь».

Дусь—одна из первых рабочих на фабрике. Она сама ее спирала, фабрика изменила ей родных, дом. Всё ее жизнь, все мысли неразрывно связаны с фабрикой. Для нее она же жертва учебой, здоровьем. Дусь—бывшая пионерка, служила домашней работницей, окончила курсы ЦИТ, малограмматистка, несмотря на это, председатель земского, член бюро юношеского парка и стала первой из лягушек. Она нажила себе катар желтуха, малакровие от того, что целыми днями не сла, ночи не спала, находясь в работе. Она отказалась от учебы, потому что «работа не ждет».

Дусь любят, она привыкает к себе «душевными» нитями девушек.

— Дусь, я хочу с тобой работать, тебе помогать, — к ней подходят передко с такими конфузливыми предложениями. Дусь смеется; ради смеха она забывает о болезни и недорожье.

— А я тоже, что наш кеттельный цех не выполняет профинплан... — торопливо говорит она,— мы обливаем вязальное отделение. Оттуда к нам поступает 50% брака: нет ранжей, нет плотной посадки. И работниц нельзя винить в недоварработке, раз качество полуфабриката разное.

Дусь тревожно осматривается. Мы синхронно заговорились, а, ведь, ее ждет работа.

Ударница в вязальном цеху.

вернуты в бумагу. Здесь также недостаток квалифицированной рабочей силы. На 10 учеников приходится один специалист, который, кроме инструктажа, конструкцию проверяет товар. В цехе 11 групп с колоссальной оплатой труда. Раньше они назывались ударными, но не выполнили производственной программы. Сейчас подтягиваются.

Подмастерье, комсомолка Данилова, с воодушевлением убеждает:

Фабрика молодежи, как никакая другая фабрика и как никакой другой завод, нуждается в комсомольской поддержке. Фабрики ждет хороших комсомольских рабочников, фабрика требует культурных сил.

Вот почему там добровольно организовали пикет Белорусского театра. Они решили дать на фабрике несколько концертов, они организуют показ новых постановок. Но это—кали в море. Сделать надо еще очень много. И это многое будет сделано, если новый гигант будет окружен любовным вниманием советской общественности.

Лучшая ударница, комсомолка Данилова.

Обучение молодых рабочниц.

МЫ ВЕРНУЛИСЬ

Очерк И. Горбачева

Прошел год с момента нападения белогвардейцев на наше консульство в Харбине, нападения, явившегося продолжением к захвату белогвардейцами К.-В. ж. д. Молодой рабочий из Харбина вспоминает тяжелые афиши и осени прошлого года, когда советские граждане в Манчжурии стойко переносили неслыханные издевательства белогвардейцев, когда советские рабочие Харбина принуждены были оставлять свои стакни. Нападение, организованное по указке из Нанкина, не моло, однако, наршил братской связи советских рабочих с китайским трудящимися. Вернувшись после ликвидации конфликта к своим стакнам, советские рабочие встретили горячую симпатию со стороны своих собратьев по классу.

Солнечное воскресене утро 27 мая 1929 г. не предвещало начала событий, которые застали весь мир обратить внимание на Манчжурию. Но и подъем все жех облегчала весть: «Полиция в консулстве арестовала всех посетителей; белогвардейцы—активные участники налета»...

Это известие парализовало работу цеха одного из заводов в Харбине. Паренек, который только что спокойно работал, кричит злым голосом,—видно, что негодует и возмущен,—и немедленно вынимает плечами, а глаза гневно горят: пальцы его сжимаются в кулаки, другой, напротив, злободушно искривлен рот, что-то шипит на ухо соседу. Первых большинство, их гнев прорывается не только в словах и движениях—этот гнев, это волнение льются широкой волной по всему цеху.

Молодежь разбралась на группы. Каждая горячо обсуждает события:

— Ну, ребята, война.
— Нельзя больше терпеть, всяко терпение кончается!

— Но, говорит, ты забыл, что Китай—полуколониальная страна, и если мы станем с ним воевать, то сыграем на руку империалистам, а из-за этого можем потерять авторитет у международного пролетариата.

— Ерунда. Если эта, как ты называешь, полуколониальная буржуазия начнет нас расстреливать или захочет забрать К.-В. ж. д., мы не благодарить ее должны, а дать ей отпор...

— Военные действия Красной армии будут направляться не против рабочих и крестьян Китая, а против его буржуазии, против рабочих белогвардейцев, сбившей себе в Китае гнездо... Да вы сам спросите: у китайцев-слесарей, за кого они?

Садарь-китаец замигал глазами, мотнул головой и на ходу бросил: «Перспуница!».

Я знал, что этот китаец хорошо говорил по-русски, а потому, догнав его, отвел в сторону и спросил:

— Почему ты не ответил на вопрос?

— Моя шубка боится, чего люди говорят, полись шубко боится,—и, обнажив своим узкими глазами, пустой коридор, понизив голос, прибавил:— конечно, наша капитана

листшибко хунхуаха (разбойника), моя шуба с тобой не хочу, если буди война, моя убеждала сокна, наша шубко компания есть.

Гудок прервал и мой разговор с китайцем, и жаркие беседы ребят.

Дни в цехе потекли медленно, ребята ходили молчаливые, поглощенные мыслями о

Такими надписями пестрили стены мастерских.

за активно проявлять свою ненависть к Советскому Союзу, а положение, при котором к каждому советскому гражданину, работавшему на К.-В. ж. д., приставляли китайского полицейского, еще не создавалось.

Грозный призрак конфликта приближался. Нота советского правительства вызывала в цехах общее одобрение:

— Надо дать по рукам, надо отучить бандитов.

Закрытие рабочей газеты, разгром рабочих клубов, обыски в профсоюзах, гостиные и бед от этого напряженной атмосферы. Когда же грянул гром, когда китайские генералы, обнаглев, смеялись советского управляющего дорогой и начальника службы, когда были закрыты все клубы и профсоюзы, а на производстве появилась полиция и начались аресты, тогда ребята стало все ясно.

Молодежник стал готовиться к выезду в СССР. Молодежник из Красной Армии. Вокруг ребят, отбывших уже воинскую подготовку, собирались настичные интины, их занимали вопросы о мести Красной Армии, о том, во сколько дней она может дойти до Харбина и освободить дорогу от произвола белых генералов, смогут ли сюда доделать аэропланы...

В те дни на производстве ребята, готовясь к отпору противникам, работали мало. Что же касается взрослых, обремененных семьями рабочими, то они были вынуждены с последствиями конфликта, включая политику настолько серьезно, что вместо работы они почти беспредельно совещались о происходящем. Можно с уверенностью сказать, однако, что и старым, и молодым ясно было одно—будет борьба и в ней победим мы.

Разрыв дипломатических отношений и въезд советских представителей казался для молодежи недостаточной мерой воздействия на захватчиков. Опять группы, опытные и жаркие доказательства, но теперь не в цехе, а на улицах, в скверах...

Ребята, необходимо уйти с К.-В. ж. д., пусть захватчики работают сами на себе, поскольку им это удастся.

Есть, даешь!

Но тут же огороженный щитоп:

— Послушайте, ребята, я слышал сегодня в конторе, что каждого, который подаст заявление об увольнении, арестуют.

— Ерунда, пусть арестовывают, нас этим не занята.

И, действительно, не занята. На следующий день гудок, как всегда, созывал всех рабочих на собрание, на которое, кроме рабочих, собрала и сдала инструменты. Мастера и инженеры в мастерских и не заглядывали, ребята без дела слонялись из цеха в цех, проходили с рабочими там китайцами. Перед конторой вытиналась ханьто—это рабочие подавали заявления об увольнении. Тут же белогвардейщина насыпалась на нас полицию, и многие товарищи, не дождавшись своей очереди подать заявление, арестовывались; арестовывали и тех, кто уже заявлял об уходе.

В которую администрацию не знала—принимать или не принимать заявления. К часы дни последовало распоряжение нового управляющего-китайца: «Не принимать».

Несмотря на это, рабочие, с боем пробивались к кабинету администрации, бросали на стол заявления и уходили с работы. На следующий день два-три теснота штрайк-

Иди на свидание в тюрьму, переодевались в музейное платье.

надвигающейся войне и оживлялись только тогда, когда замечали проходящего мимо белого вояжу из «быших», переменивших по нужде офицерский мундир на рабочую блузу.

Крепкая ругань заставляла «героя» поспешно прятаться. Белогвардейщина еще труси-

На улицах Харбина в тревожные дни конфликта.

«Окончание на 17 стр.

ЖАЛОСТЬ К ВРАГУ — ЗНАМЯ „ПЕРЕВАЛА“

С. Гинзбург

Рис. Куцкыны

Пути непролетарских писателей к революции сложны. Одни из них смогли почти вплотную приблизиться к пролетариату, выполнить требования, предъявляемые им к искусству, — таковы Лутовской и Багрицкий, два талантливых поэта, недавно выступивших в РАПП, таков был и Маяковский, отданный полностью своему искусству.

Другие еще ищут своих путей. Они упорно работают над собой, над выработкой своего мировоззрения, — таковы конструктивисты Сельдинский и Инбер, таков Леонов, перешедший от тем индивидуалистических к темам советского строительства (роман «Соль») и многие другие.

Третьи, наконец, открыто перешли во враждебный лагерь: к ним надо отнести Бориса Пильняка и Всеволода Тендряка.

Есть в этих группах, которые из сих пор не смогли найти себя, определить свое отношение к революции, к советскому строительству. Они путаются в политических вопросах, они не знают еще, к кому пристать, с кем и для кого работать: с пролетариатом или для него или же с его классовыми врагами.

Еще несколько лет тому назад такое положение было для большинства нормальным. Межпролетарское писательство, попутчики по своему происхождению в большинстве являются представителями мелкобуржуазной интеллигенции, — трудно сразу определить свой творческий путь. Он как представитель промежуточного слоя совмещает в себе, в своей психологии, в своих политических взглядах, самые несовместимые и противоречивые элементы. У мелкобуржуазного интеллигента нет своей классовой психологии и взглядов.

Реконструктивный период, период самых разных классовых противоречий, требует от каждого определения своего политического лица. Именно поэтому среди писателей — попутчиков произошли в настоящее время весьма значительные расхождения.

Осталась только одна более, или менее крупная группа писателей, попрежнему не определившая своего отношения к революционному движению. Это и определило появление литературной группы «Перевал», чье долгительное название вызывала недавно единодушное осуждение всей советской общественности.

Последний сборник, периодикой «Содружества писателей революции «Перевал» подвергся жестокой критике. «Правда», «Комсомольская Правда», «Литературная Газета» посыпали сборнику рид стейт. В Коммунистической Академии, в Доме печати, ряде рабочих литературных кругов эти книги были поставлены на диспуты, обсуждены эти темы были везде.

Сборник «Ровесники» представляет собой умилительную картину полного согласия всех представленных в нем писателей. Авторитетно, взгляды на литературу, изложенные во вступительной статье сборника, написанной критиком Лежневым, полностью подтверждаются художественными примерами, рассказанными стихами.

Что считают перевальцы основной художественной вехой?

Прежде всего необходимость быть в искусстве до конца искренними. Против этого положения, кажется, никто спорить не может. Мы знаем, что пролетарская критика жестоко обрушивается на неискренних писателей, не только на тех, кто, не переварив полностью политических задач и требований партии, пытается волочить их в художественных произведениях. Пролетарская критика требует искренности от писателя. Но этого мало. Она требует также, чтобы писатель искренне служил задачам пролетариата. А об этом уже перевальцы умоляют. Для них в склоне произведение, — дружественно ли оно пролетарию, враждебно ли ему, — одинаково ценою только благородия своей искренности.

Другое положение теоретика перевальцев Лежнева заключается в требовании траге-

„Перевал“ — в поисках искреннего Человека...

дийного искусства. «Трагедийное искусство», пишет Лежнев, — которое берет основные конфликты эпохи, ставит их во всю глубину и значительность, не урезвивая ее, не смывая, не боясь их резкости, и старается их так или иначе развязать. Какова будет эта развязка, — будет ли трагедийное искусство трагичным, минорным или жизнестабильющим, мажорным, — зависит от тонкого сплетения исторических и социальных конфликтов, от общности и величию позиции художника и т. д. Но всегда его смысл и оправдание будет в том, что это большое, серьезное искусство, чуждое детского благополучия и чиновничей благонамеренности, но старающееся покрыть все ровесным лаком идиллии, поскорее примирить неизпримиримые и дать восторжествовать инейбедиженой добродетели» (разрывка моего — С. Г.)

В это довольно широкое и конкретно развернутое платформу «Перевала». Искусство должно быть искренним и трагедийным, т. е. ставящим «основные конфликты эпохи». Как оно это разрешает — это неважно, это зависит от социально-общественной позиции художника».

Таким образом, оправдывается всяческое талантливое художественное произведение, не зависящее от того, революционное оно или контрреволюционное.

Так, логически рассуждая, можно спорить о романе Замятина «Маяк», «Белую гвардию» Булгакова, «Красном дереве» Пильняка.

Третье, наконец, требование, которое выставляет Лежнев в своей статье и которое мы рассмотрим здесь, — это требование гуманизма в искусстве. Что такое гуманизм? Это любовь к человеку, ко всяческому чело-

веку без разбора: к рабочему и к изгнаннику, к кулаку и к батраку.

Именно ты человек в любом, как я прежде, забыв про обычай —

пишет в «Ровесниках» поэт Тарусский. На деле оказывается, что поиски «человека в любом», перевальский гуманизм, является не чем иным, как замаскированной жалостью к классовому врагу. В сборнике помещен отрывок из романа Губера «Сыновья». Тема отрывка — это судьба сына дворянина по происхождению, порвавшего со своей семьей, заболевший отец Сын, раненый совсем забывший про своих родных, проникается к нему острой жалостью. Вот это описание жалости к большому отцу — классовому врагу — и является основным содержанием отрывка.

Отрывок может служить весьма примечательной иллюстрацией к понятию «искренний Человек» Лежнева. Действительно в нем взят «конфликт эпохи» (хотя далеко не основной) и поставлен «во всю глубину и значительность». Он отвечает и требованию гуманизма: его содержание — жалость к человеку.

И вот это произведение объективно оказывается произведением контрреволюционным. На диспутах перевальцы защищали его, примерно, следующим образом.

— Сын не будет испытывать жалости к большому отцу, даже если он его классовый враг? Разве это не перво? — говорили они.

Такое положение, конечно, вполне возможно. Может быть, что у иного партийца личное и вытекает классовое. Против этого спорить нельзя. Но перевальцы не хотят позволить, что описание в художественном произведении жалости к классовому врагу есть оправдание для контрреволюции. В художественном произведении художник выражает идею образами» (Плеханов). Если в художественных образах показана жалость к классовому врагу, то из этого следует, что художник пропагандирует идеи классового мира.

Подобная жалость к классовому врагу разделяется во всем сборнике и преподносится чи-

1920 ИЗ ДНЕВНИКА РЕВОЛЮЦИИ 1930

(Десять лет белопольского вторжения на Украину)

На обломках трех империй, разделенных между собой территории, населенныепольским народом, возникла буржуазно-национальная Польша.

Расположенная на стыке двух миров — мира диктатуры пролетариата и мира диктатуры капитала — буржуазная Польша не могла не стать авантюрным постом всеобщего империализма. Поддерживаемые крупнейшими капиталистическими державами, подталкиваемые внутренними империалистическими стремлениями польская буржуазия и помещики решились на генеральную попытку — задушить пролетариат в Славии. Согласовавшись с главами пандитария и поместья, конфискованных пролетариатом Украины и Белоруссии, завоевать рынки сбыта и прорыть себе путь к морям — Черному и Балтийскому.

В мае 1920 года армия польского империализма перешла в наступление. Правобережье Украины, почти вся Белоруссия

пылали в огне оккупации. Но революция не дала себя задушить. Славянский рейдом буденновской конницы, сокрушительным налаживанием пехоты, стремительным ударом партизанами пролетариат и труженицы крестьянство отбросили назад войска Пilsudskiego. Под руководством ленинских коммунистов труженицы Советского Союза строят социализм, края одновременно обретают способность своей страны.

С М Е Н А № 14

ЖАЛОТЬ К ВРАГУ — ЗНАМЯ
«ПЕРЕВАЛА»

Окончание, начало смотрите на 15 стр.

тателю в более или менее забалованным виде. Она есть и у самого «левого» перевальца, у Катаева, в его повести «Молоко».

Отметим, наконец, еще одну особенность «Перевала». Весьма характерна для него, вероятно, что большая часть помещенных в нем литературных произведений показывает уход писателей «Перевала» из советской действительности. Роман Салетона «Мастерство» рисует Италию на рубеже XVIII и XIX веков, в ее эпизодах и не ставят социальных проблем; тем же отличаются и рассказы Павленко («Шематизм» — анекдотический рассказ о неизвестном зачем странствии писателя в Италии), Принца.

Затушевывание классовой борьбы, жалость к классовому врагу (туман主义), декларирование аполитичности (признание ценности художественного произведения независимо от его социальной направленности) — все это трудно протащить при изображении современности. Поэтому перевальцы избегают отображать в своих произведениях советское строительство, поэтому они уходят в «беспринципный» мир романтических тем.

Союз писателей — старая проблема художественного вдохновения, в то что составляет круг тем перевальцев. Все это позволяет не давать прямого ответа на требования рабочего читателя о выявлении своего политического лица.

Глубоко символичным оказывается описание охотниччьей чайной в рассказе Принина «Медведь». Принин пишет: «Чудесный мир для отдыха в этой чайной комнате, где собираются охотники и часами мирно беседуют старики о бытовых деталях будущего. Никаких разномыслий, кроме мыслей охотников. Все очень похоже на сказку, соединяющую старого и малого. В этом ласкательном мире не спорят о формализме, конструктивизме и других литературных поветриях».

Несколько перерифразировав эту цитату, мы можем превратить ее в точное определение «Содружества писателей» революции «Перевала»:

«Чудесный мир для отоживания силы на советской действительности в этой литературной группе «Перевал», где собираются писатели и мирно пишут — старые были, молодые — о никогда не бывшем. Никаких разномыслий, кроме чисто творческих. Все очень похоже на сказку, соединяющую старого и малого. В этом ласкательном мире не спорят о холлахах, индустриализации и прочих поветриях».

«Перевал» — группа писателей мелкобуржуазной интеллигенции, из сих пор отказывающейся четко и недвусмысленно определить свое отношение к социалистическому строительству. Правда, после ряда диспутов с писателями из «Содружества» попытка трескучую декларацию национальной гордости фразами о залах советского писателя в реконструктивный период. К сожалению, этой декларации верить нельзя. Перевальцы в ней не отказались от своей продукции — сборника «Ровесники», не признали своих ошибок.

В данный момент литературная группа «Перевал» является реакционным творческим объединением. Писатели «Перевала» имеют право на возможность писать подлинные истории революционного периода в истории. Они должны выйти из своей литературной организации, обособиться от влияния буржуазного теоретика Лежнева и сознательно (искренно!) работать над преодолением своих ошибок и выявлением не только творческих, но и политически определенного лица. Других возможностей нет. Наше время не допускает нейтральности и аполитичности.

МЫ ВЕРНУЛИСЬ

Окончание, начало см. на 14 стр.

брехоры вышли на работу. Для осталой массы рабочих настали тяжелые дни безработицы.

Первый вокруг политеческий террор и разгул белогвардейщины были для нас, рабочей молодежи, той незабываемой школой, в которой мы учились классовой борьбе.

В эти дни мы учились классовой борьбе не только у тех, кто стоял головой над рабочими, главным образом мы учились у тех, кто сидел в тюрьмах, концентрационных лагерях — у тех стойкости не сломили ни избиения в сырых отделениях, ни ужасные условия мест заключения.

Именами наших ребятских стене футзанов, китайской тюрьмы и саксонского отделения. Там они испытывали на собственной спине асю «утонченность» китайских церемоний, там лучшие из наших ребят — молодые, сильные, выносливые — стали на век настой.

Но мы стойко боролись и победили. На каждого из нас, отгнанных из узодом, мы продолжали оставаться частичкой ССРР, давшее же железный отпор захватчикам.

Находясь в застенках, мы ни одну секунду не чувствовали себя морально побежденными. Конечно, бывало, что кто-нибудь пласал на допросах, но это были единицы. Письма, попадавшие к нам изредка из пленов, говорили, что враги боятся добра и покоя — единства в своем наименовании. Все эти письма содержали один и ту же просьбу: «Помогите убежать, хотим быть полезными общему делу». Головоды, бури, неподчинение временному режиму — все это подтверждало, что никакие изнедательства временныхников не сломят силы нации.

Мечты о свободе, сковалась все сорбинами в плену, были уличные смерти. Сюда стекалась вся рабочая молодежь: читать письма, сообщать, в каком районе облава, кого арестовали, как избежать ареста.

Однажды в разгар такой беседы в разговор ворвался радостный взор: «

Ребята есть сведения по радио, что Красная армия под Маньчжурией разбила белогвардейцев, китайские войска бегут, тысячи пленных...»

Ну, теперь жди гостей, через три дня встречай Красную армию!

— Вот видишь, а ты говоришь тяжело.

Кто-то крикнул: «съясняй», и группа горючивающих стала спешно как-то туманить.

Однако Красной армии прибытия не дождались. Перепоряденные захватчики пошли на попытку Хабаровский договор был подписан, а в конце декабря вернулись и советские представители.

Въездя из Советского Союза они рассчитывали найти лица жалкие остатки советской администрации, а также остатки наших подшефных, и потому неожиданная встреча тысячной толпы с красными флагами и лозунгом «Интернационала» вряд ли когда ими забудется. Наверное, и полиция долго будет помнить стройные, бодрые ряды выпущенных на волю арестованных. Самым же ярким доказательством сбереженной силы и добродетели было то, что в несколько недель было арестовано более 100000 человек.

Снова ожил цех. Теперь разговаривать за работой уже некогда, все разговоры проходят рано утром, перед третьим гудком.

Почти все ребята вернулись в цех по первому же гудку, но кое-кого нет: не видно, например, Устерского — его замучили гады... Прохожие ребята на местах крики: «ура! наша армия в радио!» встречи с теми, кого уже считали замученными.

Но больше всего поражают китайцы: они приветственно трясут руки, рассказывают, как тяжело было работать без нас, и возвращают нам бережно сохраненные инструментальные ящики — так были они уверены, что мы вернемся.

* Полина.

ПРОЛЕТАРСКИЕ КОЛОННЫ МАРШИРУЮТ

Первого мая прошлый год весь мир демонстрировал свою классовую мощь, свою непоколебимую решимость в борьбе за социальную и международную солидарность в этой борьбе.

Естественно, что особенно выделялся на разверзвающихся первомайских знаменах лозунг о Советском Союзе — об опорной крепости мировой революции. Защита ССР от империалистических пополнений капитализма, индустриализация советских республик — пиндусов социалистического строительства — это залоги, которые осуществляют пролетариат при непосредственном участии пролетариата всего мира.

Ежедневно, ежечасно помним мы об опасности новых нападений на наш Союз; вот почему 1 Мая проверяли мы свою оборон способность, организуя на праздничных улицах смотр достижений Красной армии и флота. Ежедневно мы помним о том, что пролетариат в буржуазных странах, что знаем пятилетки — это знамя; вот почему демонстрировал он 1 Мая свою готовность помочь нам осуществить пятилетку в кратчайший срок.

На снимках: инсценировка химической обороны Ленинграда 1 Мая, внизу — первомайская колонна берлинских комсомольцев, популяризующая пятилетний план социалистического строительства в ССР.

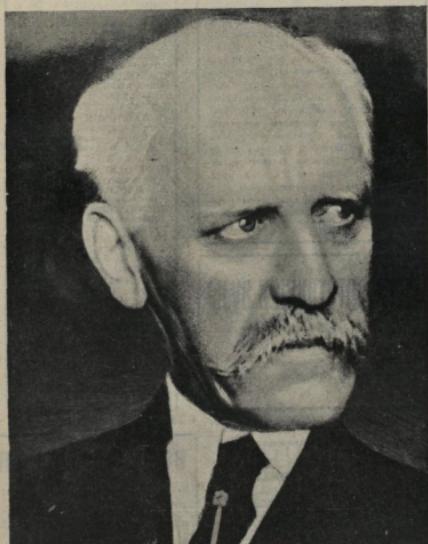

ВЕЛИКИЙ ПИОНЕР АРКТИКИ УМЕР

Фритьоф Нансен родился в Фредрике в 1861 г. Он получил университетское образование и написал ряд научных работ по специальному вопросам биологии и зоологии. В 1888 г. Нансен принял участие в экспедиции, спонсированной копенгагенским клубом Гамелем, и проводил на ложах Гренландии от западного берега до восточного. Выводы, которые сделал Нансен из этого пристрастия, привели не по другие кипучим и колоссальными, ибо молодой ученик открыто отнесся к влиянию буржуазной европейской культуры на быт туземного населения, хотя это отрижение исходило не из марксистского, единственно научного подхода к вопросу. В 1893 г. Нансен пробивается на своем корабле «Фрам» к Северному полюсу и проводят более двух лет во льдах. В 1913 г., он совершил путешествие вдоль берегов Сибири до Енисея и подтвердил возможность речного пути Северного торгового пути. В последние годы Фритьоф Нансен руководил обществом «АЭРОАРКТИКА», которое проводит научные полярные страницы воздушным путем.

Обо всех этих замечательных путешествиях и исследованиях Нансен написал в своих книгах: «НА ЛЫЖАХ ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ», «СРЕДИ ЛЬДОВ И ВО МРАКЕ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ» и «В СТРАНУ БУДУЩЕГО» (последняя о России).

Умер Нансен от разрыва сердца 15 мая 1930 г.

Фритьоф Нансен.

„ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА“ ИГРА ЧИТАГЛЕЙ „СМЕНЫ“

ПРОИЗОЙДЕТ ЛИ ВЗРЫВ?

На чертеже изображен предохранительный клапан парового котла. Пробка П прижимается к отверстию трубы (по которой поступает пар из котла) рычагом

АГ, нагруженном гирей Р. Пелевинная гиря Р можно воспрепятствовать пару получить упругость, опасную для котла.

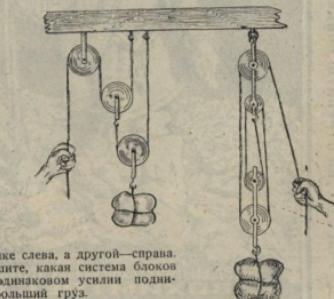
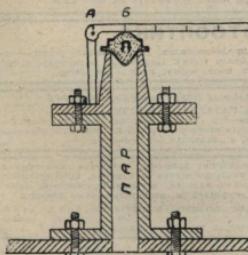
Изображенное на чертеже положение показывает, что клапан откроется при давлении пара,

превышающем 5 атмосфер. Котел же выдерживает давление до 10 атмосфер.

Как вы думаете, произойдет ли взрыв, если мы передвинем гирю до конца рычага в точку Б?

ЧТО ВЫГОДНЕЕ?

Две рабочих способы о том, какая система блоков больше экономит силы при поднятии тяжести. Один утверждает, что нужна система, изображенная на

рисунке слева, а другой—справа.

Решите, какая система блоков при одинаковом усилии поднимет больший груз.

В следующем номере мы дадим список фамилий товарищеских, получивших премии по первому конкурсу игры.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
по торговле
посылочным
и посредническим операциям
системы НАГРНТОГРА СССР в Москве

КОМСОМОЛЕЦ, УЧИСЬ МЕЧТО СТРЕЛЯТЬ, ПОЙДЕШЬ НА ОХОТУ — ПРИГОДИТСЯ ● ВСЕ КУРНЫЕ ВАМ КНИГИ ВЫПИСЫВАЙТЕ ЧЕРЕЗ "ГОНЕЦ"

КАЖДЫЙ ПАРТИЕЦ,
КАЖДЫЙ КОМСОМОЛЕЦ
должен знать историю жизни
Карла Маркса в по-
ложении Ф. Меринга. 442
стр., с гуашью, портретом.
Ц. 1 руб.

1.000 АНГЛИЙСКИХ СЛОВ,

дающих начальное зна-
ние английского языка
самоучителю. Изд. Дни-
цы. Ц. 2 р. 50 к.

ГРАММАТИКА англий-
ского языка. Книга I. Сост. Богу-
новский. Ц. 20 к. Изд. Народов.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КИЧАЙТЕ
по самоучителю НИМЕЦЕ-
ЛА, составлено по методу
МЕРТИНГА, на трех язы-
ках: кичайском, киргиз-
ском, ГУГ-Сом. Курс I (для
начинающих) — 2 р. 50 к.;
Курс II (для продолжаю-
щихся) — 2 р. 80 к.

ШКОЛА ОРАТОРА

С. Н. Серенинкова

Полный курс ораторского искусства. Особенности для
ораторов: лекторов, членов
партии, профсоюзов, пред-
принимателей, писателей, по-
этов, актеров. И. Ч. Техни-
ка, речь. Н. И. Музика слова.
Ч. III. Психология оратора.
Все 3 части в 2 томах — 4 р.

Книги высыпаются налоговым платежом. Приславши деньги вперед за пересыпку не платят. Заказы и деньги адресуйте: Москва, "ГОНЕЦ", Московская, 24/41

БИБЛИОТЕЧКА КОМСОМОЛЬЦА-АКТИВИСТА

40 книг, заключающих ответы на актуальные вопросы комсомоль-
ского движения: оснований отве-
чение задач комсомола в городе
и деревне.

Цена библиотеки 6 р. 70 к.

НОВОЕ В НАУКЕ

Библиотека на 12 книг, заключаю-
щих обзоры новых достижений фи-
зики, химии, биологии, геологии, ме-
дицины, астрономии и др. наук.
Книги насыщены популярным изъ-
меном и составлены группами науч-
ными работниками. Цена библиотеч-
ки 5 р. 40 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТИРЕ- ЛИГИЗОНА БИБЛИОТЕКА

под ред. П. О. Когана

14 книг произведений русских и ино-
странных классиков (Э. Золя, О. Мер-
инг, С. Лукис, А. Франс, Бенедитто,
Сальвадор-Шварцена... и др.). Около
2 000 стр. большого формата. Ц. 10 р.

Не „ожесточший“ рабочий

а результатом применения
БЕЗДЫМНЫХ охотничих ПОРОХОВ
— ВОХИМПРЕСТА —
РЕЗИЙ БОЙ при СЛАБОЙ ОТДАЧЕ.
Продажа в магазинах «ДИДАМО», «ВОЕННО-ОХОТЧИЧЕГО ОБЗА»
и всех местных охотничих магазинах.

ОСМХ ВСЕХИМПРОМ СССР

БИБЛИОТЕЧКА НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ И РАБОРА

А. Крайский. Что надо знать начи-
нающему писателю (набор для изуче-
ния), 80 к. А. Крайский. Что
надо знать начинающему писателю
о построении драмы. 60 к. Работа
художников над произв. (Пушкин, Тол-
стой, Чехов, Горький, Э. Золя). Сбор-
ник статей. 80 к. В. Друзин. Опыт
современной литературы. 50 коп.
Как и над чем работать писателю.
Сборник статей Либединского, Ман-
ковского, Шапкина, Асеева и др.
Ц. 60 к. И. Савин. Практические по-
собия для писателя. Сборник XX века. 90 к.
М. Майзель. Новобурганская лите-
ратура. 45 коп. 5 книг обзора со-
временной иностранной литературы.
Ц. 1 р. 20 к.

Для подготовки в вузы

Решения и отклики к сборнику алго-
брисовочных задач и примеров Ша-
понишникова и Вальцева, ч. I (4636 за-
дач). Сост. Некрасов и Кон.

Ц. 1 р. 20 к.

АПТЕЧКИ ГОСМЕДТОРГПРОМА

■ АПТЕКА ПЕРВОЙ ПОМОЩИ:
Состоит из 23 предметов:
— МЕДИЦИНСКИХ ПОСЛОДЫЧЕЙ
— СРОЧНОЙ ПОМОЩИ
— ПРИНЦИПАЛЬНЫХ СЛУЧАХ
СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ АПТЕЧКИ 20 дуб.
С ДОБРОЖИДАНИЕМ
В СПЕЦИАЛЬНОМ ЯЩИКЕ 26,25.

■ ДОМАШНЯЯ И КАРМАННАЯ
■ АПТЕЧКА ■

СЕРИЯ Б ЦИНА Б
СОСТАВЛЯЕТ 34 ПРЕДМЕТА
СЕРИЯ Б ЦИНА Б
СОСТАВЛЯЕТ 24 ПРЕДМЕТА
СЕРИЯ Б ЦИНА Б
СОСТАВЛЯЕТ 21 ПРЕДМЕТ

ДОБРОЖИДАНИЯ
1 р. 50 к. — 50 к.
— 50 к.

■ КОСОВОРОТКИ
липовые, вышитые шелком — цена 6—25 к.; вышитые бумагой
цена 5 р. 50 к. При заказе указывать № воротника.

ФОТООПТИКА

Все для фотографов и профофилюстрирования. Все возможные фотопринад-
лежности и химикаты по ценам треста. Подорожник изложит, каты-
вымы, за 10-юн. почт. марку, колл. — бесплатно.

КОМПЛЕКТЫ НАЧАЛЬНЫХ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ ФОНАРЕЙ
ФОНАРЬ ВАТАРАНДА СТАНДАРТНЫЙ
С фонарными бокалами стеклом — ц. 15 к., с большими верхними стеклами —
ц. 56 к., с средними верхними стеклами — 2 р. 46 к., отдельно запасные
лампочки — 30 к., запасные батареи 50 к.

■ ТРЕБУЙТЕ
мебели, энзалийских прозрач., предметов санитарии и
техники, гравии, гипса, косметики и парф., пищевкусовых
и кондитерских изделий, фотопринадлежностей, кани-
цер, принадлежностей и москательно-хим. товаров.
Коллекции и упаковки мобильных магазинов на 20-25 марок, остав-
шие — кандидат на 10-20 марок.

ДЛЯ УСКОРЕНИЯ ЗАКАЗА: 1) пишите четко адрес и фамилию; 2) присыпайте насыпанным товаром на самое длиненное переписку, либо
принципиально пишите к отрывному купону переписку: упаковка и первы-
ми 10-юн. почт. маркой, колл. — бесплатно; 3) пишите в письме: «Приложите
же меня к стоимости заказа, оставленной налоговым платежом».
ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ: Москва, «ГОНЕЦ», Московская, 24/41.

Тип. газ. «ПРАВДА», Москва, Тверская, 48

Имеется на складе:

1. БАРТ. — Самоучение по анатомии человека (натуралистическая, физиологическая, практическая). Масленникова и Кимми. Ц. в пер. 3 р. 90 к.
2. Том первый. — Присяжный заседатель. Ц. в пер. 4 р. 40 к.
3. Том третий. — Министр иностранных дел и дипломатия. Ценкевич. Ц. 4 р. 40 к.
4. БЕРНАДАКСИ. — Техника монтажно-ремонтного дела. Ц. 5 р. 75 к.
5. ХАРДИ. — Самоучитель драматического спортивного. Ценкевич. Ц. в пер. 3 р. 90 к.
6. ПАЛЬЧИКОВ. — Простые работы по изготовлению колодезей в пещерах. Ц. 2 р. 25 к.
7. Полный спиртовых по физкультуре. Ц. 2 р. 50 к.
8. ПРИЧЕПЧЕНКО. — Самоучитель пчеловода. Ц. 1 р. 25 к.
9. МАРКЕИН. — Межевание земель и измерение земельных участков. Ц. 2 р. 50 к.
10. КЛУСЕВ. — Настольная книга для радиолюбителя. Ц. в пер. 85 к. (в переплете).
11. МИХАЯЛОВ и РУСА-
ЧЕНКО. — Самоучитель
шашек. Ц. 1 р. 85 к.
12. ОСКАЧКО. — Книга машиниста. Для школ и са-
мостоятельной изуч. Ц. 1 р. 25 к.
13. Проф. ЭМАРХ. — Пер-
вичная помощь в нечаст-
ных случаях. Ц. 1 р. 50 к.
— 1 р. 50 к. (в переплете).

ВСЕ КУРНЫЕ ВАМ КНИГИ ВЫПИСЫВАЙТЕ ЧЕРЕЗ "ГОНЕЦ"